

Немирович-Данченко Василий Иванович

После войны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
После войны / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
341 с.

ISBN 978-5-519-98976-3

ISBN 978-5-519-98976-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

I.

ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ.

24 іюня.

Какой-то французъ, проѣхавъ изъ Парижа въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ, выходилъ изъ вагона, только для того, чтобы закусывать на станціяхъ, перемѣнять бѣлье въ вокзалахъ. Самая продолжительная остановка его была въ русской таможнѣ. Тѣмъ не менѣе по возвращеніи въ свою гѣе Расіне онъ написалъ три тома «путешествій по Россіи», цитируемые многими его соотечественниками въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ссылаться на сѣверныхъ варваровъ. Англичанинъ Кингстонъ описалъ Италію, ни разу не сходя съ палубы парохода. Дюмонъ-Дюрвиль путешествовалъ вокругъ свѣта.... сидя у себя въ кабинетѣ. Одинъ остроумный русскій странствователь признавался, что перемѣна странъ и народовъ для него ознаменовывалась только перемѣщеніемъ изъ одного отеля въ другой; тѣмъ не менѣе, почерпая свои впечатлѣнія въ книжкахъ болѣе серьезныхъ изслѣдователей, онъ находилъ читателей и даже служилъ для разныхъ простаковъ — большимъ авторитетомъ... Что касается до меня—я не знаю ни-

чего курьезнѣе манеры писать съ дороги. А между тѣмъ она усвоена многими нашими странствующими публицистами, съ налета, по полицеймейстерски разрѣшающими вопросы дня, или изслѣдователями, ассигнующими на изученіе страны и народа два-три часа. Изъ окна вагона изучается страна, по пустой болтовнѣ—съ неизмѣнно врущими пассажирами,—ея нравы... Цифры!.. Но для этого есть статистическіе сборники, изданія земства... Во всемъ остальномъ, разумѣется, отыгрываются прежде всего разсказами о личныхъ впечатлѣніяхъ, благо это дешево и общедоступно.

Я съ дороги писать не стану, а лучше скажу нѣсколько словъ о цѣли своей поѣздки. Задумана она была давно; многое, относившееся къ ней, прочитано и обмозговано ранѣе. Она только приведетъ къ одному знаменателю тѣ данныя, выводы и параллели, которыя наслоивались у меня въ теченіи прошлой войны.

Блуждая по славянскимъ землямъ, сталкиваясь съ ихъ обычнымъ складомъ, я не имѣлъ возможности тогда же отвѣсти имъ должное мѣсто въ своихъ письмахъ. Совсѣмъ иное занимало читателей, другаго требовали редакціи. Военныя событія, кровавыя боины 1877 — 1878 гг. заслоняли цѣлый міръ оргинальной жизни, который иначе бы невольно остановилъ на себѣ вниманіе туриста. Въ нескончаемомъ грохотѣ орудій, въ безпрестанныхъ переѣздахъ съ одной битвы на другую, въ этомъ постоянномъ слѣдованіи за зловѣщимъ знаменемъ войны—нервы напрягались, — то отчаяніе, то ненависть, то озлобленіе не давали возможности отчетливо всмотрѣться въ бытъ народа, въ положеніе страны, освободить которую мы двинулись столь смѣло и на первыхъ же порахъ въ этомъ святомъ дѣлѣ обнаружили такое грѣшное легкомысліе. Поэтому въ концѣ концовъ и оказалось, что болгаръ мы освободить—освободили, а узнать ихъ—не узнали.

Читатель согласится со мною: въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, не дико ли, что, продѣлавъ всю эту колоссальную эпопею 77 — 78 годовъ, потратя на нее много жертвъ,

расплачиваясь до сихъ поръ и финансовыми и иными кризисами, мы такъ таки и не свели болѣе тѣснаго знакомства съ Болгаріей, Сербіей и Черногоріей. И теперь, когда война окончена, также какъ и тогда, когда она начиналась, въ нашей печати, въ нашемъ обществѣ, въ славянскихъ и иныхъ комитетахъ слышатся самыя противорѣчивыя свѣдѣнія о Болгаріи, о болгаряхъ. Одни, преимущественно бывшіе интенданты, и люди интендантскаго склада вообще, съ пѣною у рта набрасываются на этотъ народъ, точно онъ виноватъ въ нашихъ ошибкахъ, въ нашемъ легкомысліи; другіе возводятъ его настолько въ идеалъ, что, кажется, для полнаго соціально-политическаго совершенства нужно вынести нѣсколько столѣтій тяжелаго гнета и рабства, отдать своихъ женъ и дочерей въ турецкіе гаремы, затѣмъ подвергнуться своеобразной освободительной культурѣ нагаекъ и затрещинъ. Нѣтъ трезваго взгляда, потому что нѣтъ точныхъ свѣдѣній о народѣ и странѣ. Гдѣ соберутся трое—тамъ и три взгляда, одинаково легкомысленныхъ, одинаково безпутныхъ!..

— Братушки—подлецы!.. Безапелляціонно рѣшаетъ одинъ насадитель культуры, всю войну пропьянствовавшій въ Зимницѣ или Систовѣ, разставшійся и съ честью, и съ совѣстью, и съ здравымъ смысломъ, только не съ нагайкой!..

— Братушки—это народъ, у котораго намъ нужно учиться... Витійствуютъ другіе, изъ своего прекраснаго далека замѣчающіе учрежденія страны но не знающіе ея народа.

— Братушки—лѣнтяи, торгаши...

— Братушки—съ утра до ночи работаютъ, не складывая рукъ...

— Братушки—нищіе.

— Братушки—богачи.

Короче, не оберешся противорѣчій... Знакомство наше съ братушками до сихъ поръ еще можно характеризовать эпизодомъ, дѣйствительность котораго подтвердятъ многіе.

Тырново занято русскими. Голодный офицеръ подходитъ къ лавкѣ. Жирный благополучный болгаринъ сидитъ около.

— Купецъ?

— Да.

— Булка есть.

— Има, братушка, има.

— Ну, такъ давай ее сюда, скорѣе!

Болгаринъ, оторопѣвъ, срывается съ мѣста и въ крайнемъ возбужденіи оретъ:

— Има булку, только одну—для себѣ...

«Вотъ какіе это подлецы—мы для нихъ сорока-верстный переходъ сдѣлали, проголодались, а ему, скоту, булки жалъ!»

И разумѣется—тутъ-же баць-баць.

Въ послѣдствіи разъяснилось дѣло.

Булка—по болгарски жена. Братушка вообразилъ, что русскій офицеръ требуетъ у него жену и «какъ можно поскорѣе».

Такъ мы понимали другъ друга, Такъ мы понимаемъ другъ друга и теперь. Взаимныя отношенія нисколько не уяснились, напротивъ запутались, если хотите. Гражданская администрація военнаго времени со всеусердіемъ помогла этому и въ существующую уже суматоху внесла такой непомѣрный хаосъ, что разобратъся теперь пожалуй еще потрудиѣе, чѣмъ въ началѣ. Таково уже свойство російскихъ Цинцинатовъ, гдѣ бы они не дѣйствовали: на почвѣ обрусѣнія или же на театрѣ военныхъ дѣйствій. Отсюда понятно, что разъ поднимается вопросъ о Болгаріи и вдругъ со всѣхъ сторонъ слышутся самые невозможные совѣты. Забывая во всякомъ случаѣ, что новоосвобожденныя земли населены не воспитанниками нашихъ классическихкихъ гимназій, не дѣтьми, коимъ нужно руководство гувернеровъ, мы то навязываемъ имъ византійскій строй и озлобленно бѣснуемся, когда этотъ демократическій народъ прибѣгаетъ къ испытаннымъ уже формамъ государственной жизни, то изводимъ себя на безплодныя lamentaціи, что Болгарія еще не стала Бельгіей, что ея конституція оставляетъ большой просторъ тѣмъ или другимъ началамъ проявлять себя въ управленіи страной. Особенно комичны, разумѣется, первые, которые всюду хотѣли бы завести свои клоаки безъ соображенія

о томъ, что народъ вовсе не для того освободился отъ турецкаго рабства, чтобы немедленно впасть въ еще болѣе тяжкое, систематичное и безповоротное.

Мы требовали отъ Болгаръ, чтобы они, не заимствуя отъ западной Европы готовыхъ формъ государственнаго управленія, обратились бы къ тѣмъ, о которыхъ говорится, что они искони бѣ, что они коренятся на народныхъ началахъ, или, во всякомъ случаѣ, создали бы на сей разъ свои спеціальныя. Укажите же, ради Бога, мудрецы халдейскіе, эти прекрасныя учрежденія, разъ вы уже хотите ихъ, во чтобы то ни стало навязать народу, и безъ васъ дѣлающему свое кровное дѣло. Укажите ихъ Бога ради. До сихъ поръ вѣдь мы только и знаемъ, что ваши пожеланія — дальше ихъ вы не идете. Въ нашемъ отношеніи къ болгарамъ, я пожалуй готовъ именно то высоко и цѣнить, что, освободивъ народъ, мы не взяли на себя неблагоприятную и, простите за откровенность, неблагоприятную роль его опекуновъ. Послушавъ совѣтниковъ пришлось бы создать въ молодомъ княжествѣ враговъ и ненавистниковъ всего русскаго. Повѣрьте, что такая демократическая нація сама устроится лучше, чѣмъ бы ее устроили всевозможные князья Черкасскіе и другіе. Нашему шатанію, нашимъ колебаніямъ, нашей раздѣльности, разобщенности, взаимному недовѣрію — тутъ и мѣста не можетъ быть, потому что здѣсь едино тѣло и единъ духъ. Опасенія же, что вмѣстѣ съ западными учрежденіями въ Болгарію всеяются и тѣ крайности и увлеченія, съ коими теперь борятся у насъ, столь же основательны, сколь основательны были премудрые доносы румынскихъ и иныхъ дипломатическихъ агентовъ на болгарскую молодежь какъ на коммунистовъ и революціонеровъ. Благо для обвиненій такого рода особенно шевелить мозгами не требуется, да и цѣли они всегда достигаютъ неукоснительно, въ какой бы формѣ не являлись—въ горячечномъ ли бредѣ бѣсноватаго Цитовича или въ оффиціальной бумагѣ, снабженной указаніемъ на статьи Устава о наказ. угол. и исправительныхъ. Сверхъ того, если бы какія либо легальныя увлеченія въ Болгаріи

и проявились—молодой странѣ бояться ихъ нечего. Это не недугъ, а противовѣсъ крайностямъ иного рода. До государственныхъ переворотовъ, до катаклизма эта практическая нація не дойдетъ, а честные порывы юности—ей не опасны. Въ борьбѣ партий—крайнія поглощаются средними и придаютъ только силу организму, заставляють живѣе обращаться кровь въ его жилахъ, вызываютъ мозговую работу... Крайности страшны только застарѣлымъ въ умственномъ дѣвствѣ невѣстамъ нелепымъ, поклонникамъ всяческой китайщины и застоя. Увлеченія противны одной дряхлой старости, которая съ злобною завистью смотритъ на кипучую силами юность. Подагрику всегда дика быстрота движеній и неуклюжая энергія молодаго человѣка. Прогнившему насквозь сифилитику отвратительна здоровая любовь молодаго организма. Золотушному цѣломудрію—кажется безнравственнымъ горячій поцѣлуй случайно подмѣченной пары. Тутъ все дѣло въ томъ—отчего-де это не я..

Какъ и чѣмъ живутъ наши братья, богаты ли они или бѣдны, любятъ ли свою страну или нѣтъ, умны-ли, глупы-ли, враги они намъ, или друзья, и по поводу этихъ вопросовъ тѣ же огульные противорѣчія, тотъ же апломбъ непроходимаго невѣжества?

Знаемъ-ли мы ихъ обычаи, страну?.. Въ этомъ случаѣ мы ориентированы нѣсколько больше, благо нѣмецъ Каницъ помогъ намъ, но и онъ не чуждъ также очень и очень крупныхъ ошибокъ. Въ то же время, къ нашему изумленію, со всѣхъ сторонъ доходятъ вѣсти, совершенно иначе рисующія намъ положеніе этой страны. Считали мы ее земледѣльческой и пастушеской—а вдругъ оказываются въ ней значительныя отрасли промышленности, которыхъ мы и не подозрѣвали. А тутъ еще начинается развиваться горнозаводское дѣло. Около Тырново и Плевно открыты богатые залежи каменной соли, о которой мы, простоявъ здѣсь годъ, ничего не слыхали. Золото, серебро, мѣдь и каменная соль чуть не на поверхности земли оказались по Витежу около Софіи. А по Искеру—золотоносные пески и изобильные,—и никому о нихъ невдомекъ. Болгары знали объ

этомъ и ранѣе, но лишняго не говорили, чтобы не дошло до свѣдѣнія турокъ. Пастухи промывали этотъ песокъ и копили его у себя, а теперь онъ и для насъ неожиданно выглянулъ на свѣтъ Божій! Оказывается, что и намъ не совсѣмъ довѣряли братушки...

Съ другой стороны мы видѣли и удивительное для насъ развитіе общественной жизни. Еще подъ фѣрулою неопредѣленнаго положенія въ Восточной Румелии, какъ ее называемъ мы, или въ Южной Болгаріи, какъ ее именуютъ на мѣстѣ, развивались чуть-ли не въ каждомъ селѣ, а въ каждомъ городѣ—непремѣнно, гимнастическія общества, клубы, читалища, дружества... Члены этихъ обществъ учатся владѣть оружіемъ, маневрируютъ, дѣлаютъ примѣрные штурмы, роютъ траншеи, редуты, гимнастическія общества эти даютъ странѣ болѣе 30,000 славныхъ добровольцевъ, готовыхъ на все, умѣлыхъ солдатъ-гражданъ; что-же мы знаемъ объ этомъ?.. Ничего. Печать растетъ не поднимъ, а по часамъ. Разумная на свободной почвѣ, она пока еще груба, не выработана но уже пробуетъ свои силы и по первымъ движеніямъ вы замѣчаете, что это не худосочный ребенокъ, съ первыхъ дней закутанный въ пеленки и покровительствуемый медициной, а здоровое горластое дитя, поднимающееся на радость матери... Печать эта груба—но мѣлка. Эта грубость отъ сердца... Это не трехъэтажная брань извозчика, который только и знаетъ одно право: ругаться сколько ему угодно съ себѣ подобнымъ,—нѣтъ это громкая пѣсня вольныхъ пловцовъ, которые пользуясь попутнымъ вѣтромъ поставили себѣ паруса и скользятъ по тихому синему морю при блескѣ восходящаго солнца, въ стрѣтеніе обѣтованнаго дня... Туманы ночи свернулись тучками, исчезающими на западѣ, — первые теплые лучи заставятъ ихъ совсѣмъ разсѣяться на этомъ безбрежномъ просторѣ... Впередъ же вольные пловцы... Безъ конца неси ихъ бѣлый парусъ — попутный вѣтеръ.

Русская администрація смѣняется тамъ космополитическимъ сбродомъ авантюристовъ, которые, чуя великую силу

пробуждающагося народа, препятствуютъ его уже могучимъ инстинктамъ. Что же мы знаемъ объ этихъ Вогоридесахъ, Виталисахъ и другихъ? Да ничего — рѣшительно ничего, кромѣ того, что соблаговолили намъ сообщить въ своихъ скудныхъ письмахъ корреспонденты.

Въ Сѣверной Болгаріи пока еще неувѣренной народной силой замѣтно растутъ и растутъ дружины. Три раза уже происходилъ наборъ и два раза готовые и хорошо обученные солдаты, до поры до времени, ушли въ безсрочный отпускъ.

Молодое княжество уже можетъ такимъ образомъ выставить въ поле до 70,000 вооруженныхъ (къ сожалѣнію, ружьями Кринка) и хорошо обученныхъ солдатъ. Болѣе ста тысячъ ружей Пибоди, взятыхъ нами подъ Плевною, на Шибкѣ въ Ссѣѣ и другихъ мѣстахъ, остались въ народѣ. Это все сила и сила грозная. На столько грозная, что случись кое-какія столкновенія, молодое княжество — по счастью для насъ — обойдется пожалуй безъ русской крови, безъ русскихъ жертвъ *). Что же мы знаемъ объ этомъ? Да ничего, рѣшительно ничего.

Въ странѣ на первыхъ же порахъ гражданской жизни появились твердо опредѣлившіяся партіи. Что мы знаемъ о ихъ вожакахъ, объ этихъ новорожденныхъ министрахъ, призванныхъ играть такую роль въ молодомъ государствѣ?

Наша администрація всюду смѣнена болгарскою; губернаторы—болгары, начальники округовъ—болгары, чиновники—болгары. Кто это такіе? гдѣ ихъ характеристика? кто сообщалъ о нихъ болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія? Вы скажите: что намъ за дѣло до этихъ болгарскихъ дѣятелей? Да развѣ мы, чтобы создать ихъ, не потратили болѣе 300,000 жизней, не бросили миллиардовъ, не переживаемъ теперь народную нищету и финансовую неурядицу. Развѣ до сихъ поръ не ходятъ по

*) Довольно литься этой крови. Дитя скоро окрѣпнетъ и вырастетъ, мы охраняли его младенчество — пусть же юношею оно обойдется безъ нашей помощи. Русская кровь—слишкомъ дорога для Россіи.

лицу земли русской сотни тысячъ вдовъ и сиротъ, кормильцы которыхъ легли тамъ, на кровавыхъ нивахъ этой, вдругъ ставшей намъ, не интересной страны?..

Вообще мы ко всему относимся столь же легкомысленно. Что мы знаемъ, напримѣръ, о Хивѣ? о среднеазіятскихъ владѣніяхъ намъ только и извѣстно, что тамъ ѣздятъ на верблюдахъ, ѣдятъ пилавъ, увлекаются бачами. На этомъ и оканчиваются всѣ наши свѣдѣнія. Кстати, простите моей болтливости, одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, возвратясь съ засѣданія какой-то конференціи по среднеазіатскимъ дѣламъ, въ совершенномъ недоумѣніи обращается къ своему секретарю.

— Я ихъ не понимаю... О чемъ они толкуютъ: Оксусъ, да Оксусъ—какое Россіи дѣло до Оксуса. У насъ и рѣки такой нѣтъ!

Тотъ же дипломатъ, узнавъ о существованіи въ Россіи Оксуса и то къ крайнему своему удивленію,—впослѣдствіи совсѣмъ отрицалъ славянское дѣло, находя что принципъ освобожденія славянъ—есть принципъ революціонный, ибо онъ разрушаетъ монархію турецкихъ султановъ... Вы, русскій читатель, не интересующійся Болгаріей, право стоите—глубокомысленнаго дипломата, узнаваго о существованіи Оксуса изъ англійскихъ книжекъ...

— Правда, что Болгарія сохранила обычай сажать на колъ въ особо важныхъ случаяхъ? Освѣдомлялся у меня одинъ изъ російскихъ юпитеровъ.

— Правда! Только на колъ невѣжества и безсмыслія...

— Болгары, авторитетно повѣствоваль мнѣ другой, до сихъ поръ женъ, уличенныхъ въ невѣриости мужьямъ, зашиваютъ въ *козьи шкуры* и бросаютъ въ Босфоръ.

— Какъ же они доберутся до Босфора.

— Да вѣдь Болгарія на Босфорѣ!

— Точно такъ, ваше—ство! поклопился я... Только позвольте присевокупить, что внутри страны, гдѣ Босфора нѣтъ, они этихъ легкомысленныхъ дамъ низвергаютъ въ пропасть со скалы... Тарпейской...

На Балканскомъ полуостровѣ готовится глухая пока борьба народностей за существованіе. Волны чуть поднимаются, кое гдѣ только змѣются бѣлые гребни пѣны. Тучи охватили еще не все небо, косые лучи солнца сквозь него ложатся на эту колеблющуюся стихію. Но вдаль слышны громовые раскаты и первый шквалъ уже обдалъ брызгами дрогнувшее судно. Еще немного, и кузовъ его затрещитъ подъ могучими ударами, застонутъ мачты, заскрипятъ снасти. Еще немного—и гордые стихіи станутъ къ самымъ тучамъ забрасывать взмызы своей пѣны—море поборется съ небомъ; чья гроза грознѣе... А мы спимъ себѣ и не видимъ, и не слышимъ. Участвовать въ этой борьбѣ, съ пустыми карманами и тремястами тысячъ вычеркнутыхъ жизней, не дай Богъ, но и закрывать глаза не слѣдуетъ. Иначе, какъ евангельскія глупыя дѣвы, погасивъ свои свѣтильники, мы окажемся совсѣмъ неподготовленными къ приему неожиданнаго жениха, хотя въ данномъ случаѣ онъ и не въ нощи грядетъ.

Ни одно изъ созданныхъ нами княжествъ—ни Румынія, ни Сербія, не начинали, при столь благопріятныхъ условіяхъ, своей политической жизни. Они долго возились, испытывали на себѣ всевозможныя системы, прежде чѣмъ пришли къ послѣдней установившейся формѣ. Болгарія уже имѣетъ свои учрежденія. Она имѣетъ войско—у тѣхъ его не было. Она имѣетъ администрацію, о которой тѣ и не мечтали. У Болгаріи за прошлый годъ въ остаткѣ 14.000,000 франковъ золота—таковы податныя силы страны. Она отказала иностраннымъ желѣзнодорожнымъ представителямъ, этимъ хитроумнымъ Улиссамъ, съ чего-то возмнившимъ, что тутъ то для нихъ и приготовлено настоящее золотое руно. Кстати, пока по секрету, сюда уже толкались и соотечественники наши, россійскіе Струсберги, мечтавшіе о клочкѣ медвѣжьяго ушка. Болгары рѣшили обойтись своими силами.

— Мы бы охотно предоставили постройку дороги русскимъ, да къ намъ совались такіе господа, которымъ нужно только,